

Ф. Ромоли

Университет Пизы, Пиза, Италия. francesca.romoli@unipi.it

ВОПЛОЩЕННЫЙ ИДЕАЛ СВЯТОСТИ: МАКСИМ ГРЕК И ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА

(Перевод М. В. Живовой)

Первое сочинение, свидетельствующее о литургическом почитании Максима Грека, – это «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грѣка и како претерпѣ до скончания своего», созданное монахом Исайей Каменчанином в конце XVI в. Анализ текста позволяет добавить к списку его источников произведение Максима Грека «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителстве», содержащее первую славянскую биографию Джироламо Савонаролы. В частности, исследование показывает, что портрет Максима в описании монаха Исайи совпадает с портретом Савонаролы в сочинении Максима. Это совпадение объясняется тем, что в Московии Максим подражал Савонароле настолько, что стал носителем того же идеала святости, который воплощал итальянский монах. *Ключевые слова:* Максим Грек, Джироламо Савонарола, Исайя Каменчанин, «Сказание известно», «Повесть страшна и достопамятна»

1. Вступление

Среди текстов конца XVI в., описывающих для потомков события жизни Максима Грека (около 1470 – 1556) с явным намерением оправдать его, выделяется сочинение, которое свидетельствует о почитании памяти Максима в Троице-Сергиевом монастыре, месте, где он провел свои последние годы и скончался, где и сегодня покоятся его бранные останки: речь идет о произведении «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грѣка и како претерпѣ до скончания своего» (далее – «Сказание известно»)¹.

Этот текст отличается весьма устойчивой рукописной традицией, более ограниченной, чем биографические сочинения, которые начали бытовать в те же годы: он засвидетельствован в менее чем десятке кодексов, варьирующихся по типологии от собраний сочинений Максима до сборников смешанного содержания, вплоть до «Четвх Миней» Иоанна Милютина (1646–1654 гг.), куда сочинение, с рассказом о двух чудесах, совершенных Максимом, было включено, вероятно, именно из-за его литургического характера, однако без указания дня памяти – среди текстов, добавленных в качестве приложения к тому на июнь (см.: [Denissoff, 1956, с. 139–141; Сеницына, 2009, с. 47–50]).

Автором текста или, согласно признанной сегодня гипотезе, его части был монах и дьякон Исая Каменчанин (из г. Каменца-Подольского), который установил диалог между московскими и литовскими кругами и традициями и ранее уже составил краткое описание жизни Максима «Предисловие вкратцѣ» (около 1591 г.) (см.: [Denissoff, 1956, с. 142–148; Сеницына, 2009, с. 63–71])².

Авторство монаха Исая и, в более общем плане, содержание «Сказания известна» позволили, по крайней мере частично, восстановить прямые и косвенные источники сочинения,

¹ Текст издан в книге: [Сеницына, 2009, с. 93–106]. В середине XVII в. это сочинение было частью некоторой «канонизаторской программы», вклад в которую внес, при поддержке патриарха Иоасафа, Сергей Шелонин, написавший «Похвальное слово русским преподобным» и «Канон всем святым, иже в Велицей России просиявшим» (см.: [Панченко; Сеницына, 2009, с. 71–72]). О жизни Максима см. классический труд: [Denissoff, 1943], фундаментальное исследование: [Сеницына, 2008], работу, где излагается биография Максима: [Garzanti, 2015], и недавно вышедшую монографию, содержащую ряд уточнений и дополнений: [Romoli, 2021]. Б. М. Клосс предполагает, что смерть Максима следует датировать 12 декабря 1557 г. (см.: [Клосс]).

² Об Исаяе Каменчанине см.: [Каган; Сеницына, 1988].

среди которых к настоящему времени выявлены автобиография (1582 г.) и «Предисловие вкратцѣ» того же Исайи, Предисловие Нила Курлятева к Псалтыри 1552 г. (1556–1558 гг.)³, материалы судебных процессов, обвиняющих Максима (Судные списки), и его произведения, прежде всего «Слово против глав Самуила еврейна» (ср.: [Горский, Невоструев, с. 580–581; Белокуров, с. 224–230; Denissoff, 1956, р. 154–168; Буланин, Шашков; Сеницына, 2009, с. 50–51, 65–66, 70–71]). Образ Максима в «Сказании известном» отчасти восходит к этим источникам, в особенности к «Предисловию вкратцѣ» (ср.: [Сеницына, 2009, с. 56–58]).

Задача настоящей статьи – внести вклад в определение парадигмы святости, олицетворяемой Максимом в «Сказании известном», и возобновить исследование источников сочинения, начатое А. В. Горским и К. И. Невоструевым и затем продолженное прежде всего С. А. Белокуровым, Е. Денисовым и в последнее время Н. В. Сеницыной. Предметом исследования будет изображение Максима, рассматриваемое с двойной целью: во-первых, установить связь с источником его происхождения, во-вторых, попытаться оценить значение и последствия его переноса в «Сказание известно» в процессе формирования образа святости Максима.

2. Образ Максима Грека: между биографией и агиографией

Поиск и собирание сведений о жизни Максима, в особенности монахом Исайей, вписываются в контекст учреждения Московского патриаршества (1598 г.) и велись по поручению сверху – возможно, самого патриарха Иова (1589–1605 гг.), с тем чтобы – после всех сложных судебных разбирательств, которыми были отмечены московские годы Максима, – утвердить авторитет его личности (см.: [Denissoff, 1956, р. 148–154; Сеницына, 2009, с. 59–63]).

При этом данные и факты из жизни Максима были переработаны в агиографическом ключе. В частности, «Сказание известно» предлагает последовательное изложение его биографии, которое открывается краткой характеристикой (ср. § 2.1) и рассказом о его жизни от рождения до переселения на Афон, его образовании на родине и за границей:

«... родом грекъ, учився во своем отечествии, в Палестинѣ и во Италии и во прекраснейшем и в предобрѣшемъ градѣ Флорентии. Изшедшу же от училища, иночествовавъ во Святѣи Горѣ во священнѣи обители божиа Матери в велицѣи Ватопеду»⁴ [Сеницына, 2009, с. 93].

Далее следуют рассказ о событиях московского периода жизни Максима и сообщение о его отшествии ко Господу, погребении его бранных останков и почитании его памяти. Затем в повествование включены пространные цитаты из его обращений к митрополиту Даниилу, описываются сборники сочинений Максима (см. ниже, примеч. 11), и эти сочинения, особенно касающиеся религиозной полемики, в свою очередь, цитируются. В заключение приводится свидетельство о посмертных чудесах, произошедших на месте его погребения в 1651 г.

Намерение оправдать Максима в «Сказании известном» явно прослеживается в приписывании выпавших на его долю невзгод зависти дьявола (см. отрывок, приводимый ниже) и в описании его поступков как постоянно и упорно нацеленных на исправление христиан (ср. § 2.3).

«Древнии ж змии и злокозненнии дьявол, сатана, губитель христианский вооружил на Максима ненавистных, и был в заточении от братонелюбцевъ, и окован, ввержен в темницу, в ней ж терпѣл различнаа озлобления и томления во Иосифовѣ монастырѣ, и от дыма и от горести темничные был на мног часъ, яко мертвъ» [Сеницына, 2009, с. 95].

³ «Предисловие» Нила Курлятева было датировано Е. Денисовым, гипотеза которого в последнее время была принята также И. В. Вернер (ср.: [Denissoff, 1943, р. 42; Интерлинейная славяно-греческая Псалтырь, с. 32]).

⁴ Согласно Е. Денисову (а до него – А. В. Горскому), термин «Палестина» здесь обозначает не историко-географическую область, а родину, место рождения Максима (см.: [Denissoff, 1956, р. 154–155]).

2.1. Определения...

Портрет Максима в «Сказании известном» складывается из определений, приписанных ему по признанным за ним заслугам и подвигам. В этом смысле наиболее значимы два отрывка: вступительная часть сочинения, в особенности пассаж, предшествующий биографическому разделу, относящемуся к периоду от рождения до прибытия на Афон, и погребальное величание, которое завершает собственно биографическое повествование и в котором выражена литургическая направленность текста.

Во вступительной части «Сказания известна» Максим представлен через расширяющее *accumulatio* (накопление), явно хвалебного характера:

«Инокъ Максим философ возлюбленъный, господинъ и отецъ о Христѣ, казатель благочестиваго богословия, философии священныя божии проповѣдникъ и исповѣдникъ православныя вѣры христьянские...» [Синицына, 2009, с. 93].

Эти характеристики, добавленные к более традиционным, подкрепляются в погребальном величании, которое связывает сообщение об отшествии Максима ко Господу с рассказом о его погребении. После его кончины «руская церковная чада» восхваляют своего «отца и учителя и наставника», этого «предивнаго отца и учителя», называя его то «предоблии отче», то «пророком», «апостолом» и «учителем», почитая его «ничим же хуждыши и нижши... великих онѣх вселеньских учитель», и таким образом прославляют «высокая его исправления», его «учительство» и «в темницы и во узах мученическое страдание»:

«Тогда бо жалостнии аргани подвизаются, и слезнии источницы изливаются, и руская церковная чада умильными словесы своего отца и учителя и наставника вѣнчают, овии же приришуще к мощем предивнаго отца и учителя глаголаху: Како ты наречем, предоблии отче? Пророка ли, яко провѣща нам неудобъ разумѣваемая и вѣдомаа нам? Апостола ли, яко зыблемую противными нам вѣтры утверди христьянскую вѣру божественных Писаний учении? Учителя ли? Но воистинну ничим же хуждыши и нижши еси великих онѣх вселеньских учитель. И тако ов ова, ин же иная проповѣдуя высокая его исправления, овѣ проровѣдуя учительство, ин же в темницы и во узах мученическое страдание» [Синицына, 2009, с. 97–98].

2.2. ...и возможные аллюзии

Особенно показательными для данного исследования представляются определения в конце характеристики Максима во вступительной части «Сказания известна», где, как мы видели, объединены эпитет «божии проповѣдникъ», затем эксплицитно раскрывающийся в погребальном величании указаниями на «высокие исправления» и «учительство», и эпитет «исповѣдникъ».

Если допустить осознанность такого выбора (и его последствий), в определении «исповѣдникъ» можно усмотреть отсылку к Максиму Исповеднику, святому, чье имя Максим (Грек) принял при постриге на Афоне. Кроме того, имя Максима Исповедника связано с именем Дионисия Ареопагита, которого комментировал Максим Исповедник и чье сочинение «О божественных именах» (*De divinis nominibus*) Максим Грек переписал во Флоренции для Флорентийского аббатства (Badia fiorentina) с рукописи IX в., хранящейся в то время в библиотеке монастыря Сан Марко (см.: [Speranzi]).

Таким образом, если эпитет «исповѣдникъ» может быть отнесен не только к афонскому периоду жизни Максима, но и к предыдущему, флорентийскому, то и второй эпитет – «божии проповѣдникъ» – может относиться, на этот раз непосредственно, к тому же периоду и к тому же месту, то есть к монастырю Сан Марко. Эта формулировка действительно отсылает к конкретному документальному источнику, а именно к свидетельству Максима об ордене

монахов-проповедников и о жизни Савонаролы, за которым стоит его собственный опыт доминиканского послушника⁵.

2.3. Деятельность

Определение «божии проповѣдникъ» получает обоснование немного дальше в «Сказании известном», в описании его деятельности. Прибыв в Московию и осознав моральное падение в своем ближайшем окружении, где процветали содомия, лихоимство, ростовщичество, то есть ссуды под проценты, празднословие, сквернословие, бесчинный смех, пьянство, чревоугодие, сребролюбие, порочность, пренебрежение к бедным и нищим, воспламенившись божественной ревностью, Максим начинает проповедовать слово Священного Писания ради исправления христиан и полного искоренения обуявших их пороков:

«И божественною ревностию уразумѣвъ в христианех богомерзъский грѣх содомский, и безбожное лихоимание, и безчеловѣчское рѣзоимание, сирѣчь росты, и празднословие, и сквернословие, и смѣх безвременный и бесчинный, и пьянство, и преизлишняя сладкая ядения, и сребролюбие, и лукавыи нравъ мерзъский, проклятыи, немилость к бѣдным и нищим, и ревностию божию разжегся, совѣтъ совѣтовавъ добръ и богоугоден, сиирѣчь учительным словом еже от божественных Писаний пособити христианом и истребити от них в конец нечестия сѣмена сия» [Синицына 2009, с. 96].

Как будет показано далее, это описание подтверждает предположение, основанное на эпитете «божии проповѣдникъ», о наличии связи между «Сказанием известным» и свидетельством Максима об ордене монахов-проповедников и о жизни Савонаролы.

3. Источники

3.1. Сведения о Флоренции

Именно Максиму мы обязаны рассказом о Флоренции, содержащим первое сообщение об ордене монахов-проповедников и первый биографический очерк о Савонароле, бытовавшие на славянском языке в Московии. В рукописной традиции это произведение обычно объединяется с рассказом о Французском королевстве, включающим свидетельство Максима о Картузианском ордене, и вместе с рассказом о Флоренции составляет сочинение «Повесть страшна и достопамятна, и о совершенном иноческом жительстве» (далее – «Повесть страшна и достопамятна»)⁶.

В рассказе о Флоренции Савонарола представлен как приор доминиканского монастыря Сан Марко, а его деятельность – как поступки, вдохновленные даром проповедничества и нацеленные на исправление жителей города. В частности, рассказывается, как благодаря своему знанию Писания и божественной ревности, узнав о распространении среди флорентийцев содомии и ростовщичества-лихоимства, Савонарола пожелал помочь им своей проповедью.

Описание деятельности Максима в «Сказании известном» выглядит настолько близким к описанию деятельности Савонаролы в рассказе о Флоренции, что позволяет предположить прямую текстуальную зависимость. Это нетрудно продемонстрировать при сравнении двух текстов:

[рассказ о Флоренции] «Сеи, премногыи разумом богодухновенныхъ Писаней и болии божественною ревностию, уразумѣвъ граду сему двѣма богомръзскимъ грѣхомъ злѣише порабощену сущу, сирѣчь богомръзкимъ содомитскимъ беззакониемъ и безбожнаго лихоимания и безчеловѣчскимъ рѣзоиманиемъ, ревностию божию разжегся, свѣтъ совѣтовавъ добръ

⁵ См.: [Romoli, 2021]. Об опыте доминиканского послушничества Максима и его влиянии см. также: [Romoli, 2018; Garzaniti, 2019b].

⁶ О датировке, истории и традиции этого текста см.: [Romoli, 2021, p. 27–29].

и богоугоденъ, сирѣчь: учительнымъ словомъ еже от божественныхъ Писаней пособити граду оному и истребити от него в конецъ нечестия сия»⁷.

[«Сказание известно»] «И божественною ревностию уразумѣв в християнех богомерзъский грѣх содомский, и безбожное лихоимание, и безчеловѣчьское рѣзоимание... и ревностию божиею разжегся, совѣт совѣтовав добръ и богоугоден, сиирѣчь учительным словомъ еже от божественныхъ Писаний пособити христіаном и истребити от них в конецъ нечестия сѣмена сия» [Синицына, 2009, с. 96].

Как можно видеть, мы имеем дело с переносом целого пассажа из рассказа о Флоренции в «Сказание известно», практически без изменений, если не считать нескольких минимальных (адаптационных) поправок. Среди них отмечаются: замена указаний на «этот город» («граду сему») и «тот город» («граду оному»), то есть Флоренцию, – на более общее указание на «христіан» («в християнех», «христіаном»), что лучше подходит для обозначения адресатов проповеди Максима в Московии; преобразование уточнения «двѣма богомръзскимъ грѣхомъ... сирѣчь богомръзскимъ содомитскимъ беззакониемъ» в прямое указание «богомерзъский грѣх содомский», с устранением повтора эпитета «богомерзкий» («богомръзскимъ», «богомръзскимъ») и синонимии «грѣх» и «беззаконие» («грѣхомъ», «беззакониемъ»); и в конце пассажа добавление слова «сѣмена», которое раскрывает метафору, подразумеваемую глаголом «истребити», причем предшествующее ему слово «нечестие» получает атрибутивную функцию.

Определение, относящееся к Савонароле в начале описания его подвига в рассказе о Флоренции, а именно, что он был преисполнен «разумомъ богодухновенныхъ Писаней», относится также и к Максиму в «Сказании известномъ», где помещено в связующем пассаже между описанием обстоятельств его заключения и описанием его деятельности:

[рассказ о Флоренции] «Сеи, премногиимъ разумомъ богодухновенныхъ Писаней...»⁸.

[«Сказание известно»] «Но обаче ненавистникъ добру не остави его тако пребывати премногихъ разумомъ богодухновенныхъ Писаний, якоже и тѣ толмачи о немъ скажутъ, яко таково премудру старцу в книжномъ учении нѣсть возможно обрѣстися и в самой оной Святѣи Горѣ» [Синицына, 2009, с. 95–96].

При этом отзвук рассказа о Флоренции проявляется уже во вступительной части «Сказания известна», когда, указывая места, где Максим получал образование, автор описывает Флоренцию как «прекраснейшии» и «предобрѣшии» город, то есть используя эпитеты, употребленные Максимом во вступительной части рассказа о Флоренции, а также еще раньше, когда он называет Максима «божии проповѣдникъ» – повторяя выражение, приведенное Максимом в качестве глоссы к латинскому названию монахов, проживающих во Флоренции:

[рассказ о Флоренции] «Флоренция градъ есть прекраснѣишии и предобрѣшии сущихъ въ Италии градовъ, ихже азъ видѣхъ. В томъ градѣ монастырьъ есть, мниховъ отчина, глаголемыхъ по-латыньски предикаторовъ, еже есть божиихъ проповѣдниковъ»⁹.

[«Сказание известно»] «Инокъ Максим... божии проповѣдникъ... учився... во Италии и во прекраснейшемъ и в предобрѣшемъ градѣ Флорентии» [Синицына 2009, с. 93].

3.2. Рассказ о Французском королевстве

Хотя в центральной части описания деятельности Максима в «Сказании известномъ» добавлено перечисление пороков, отсутствующих в описании деятельности Савонаролы в

⁷ Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011. Ч. 2. С. 249.

⁸ Там же. С. 249.

⁹ Там же.

рассказе о Флоренции (кроме содомии и ростовщичества-лихоимства), на самом деле и оно восходит к «Повести страшной и достопамятной», в частности к рассказу о Французском королевстве. Перечисление пороков, которые Максим обнаруживает среди христиан в Московии и против которых направлена его проповедь в «Сказании известном», по сути совпадает с теми пороками, которые Максим указывает в рассказе о Французском королевстве как полностью искорененные у картузианцев, тем самым обвиняя духовенство на Руси, к которому он обращается, в том, что они, наоборот, этим порокам предаются.

Сравнение текстов вновь выявляет отношения прямой зависимости, еще один перенос:

[рассказ о Французском королевстве] «Гдѣ у них празднословие, или сквернословие, или смѣх безвремененъ и безчиненъ? Пиянство же и преизлишии сладкихъ ядении ниже слышится у них; сребролюбие же и лихоимание, и росты, и лукавыи нравъ мръзко у них и проклято слышание»¹⁰.

[«Сказание известно»] «сирѣчь росты, и празднословие, и сквернословие, и смѣх безвременныи и безчинныи, и пиянство, и преизлишня сладкая ядения, и сребролюбие, и лукавыи нравъ мерзъскии, проклятыи, немилость к бѣднымъ и нищим...» [Синицына, 2009, с. 96].

Этот новый перенос, помещенный в тексте между словами «и безчеловѣчьское рѣзоимание» и «и ревностию божиею разжегся», включается в первый заимствованный фрагмент, между описанием распространения грехов содомии и ростовщичества-лихоимства и вызванной этим наблюдением реакции Максима, прерывая рассказ добавлением других грехов: празднословие, сквернословие, бесчинный смех, пьянство, чревоугодие, сребролюбие, порочность, пренебрежение к бедным и нищим, – что усугубляет картину морального разложения Московии. Последовательное наращивание существительных в причастной конструкции, с которой начинается описание реакции Максима («уразумѣв... разжегся»), нагнетает ожидание финального разрешения, тем самым расширяя охват его деятельности и увеличивая его заслуги.

Текст-источник и на этот раз сохраняется практически без изменений, за исключением нескольких небольших поправок. В частности, следует отметить перестановку с предпоследнего на первое место слова «росты», которое, предваряемое пояснительным «сирѣчь», связывает первый и второй переносы, а также синтаксическую перекомпоновку сегмента «лукавыи нравъ мръзко у них и проклято слышание», измененного в «лукавыи нравъ мерзъскии, проклятыи», в результате чего слова «мръзко» и «проклято» относятся уже не к «слышание», а к «нрав», а их синтаксическая функция вместо предикативной становится атрибутивной («и лукавыи нравъ мръзко у них и проклято слышание» / «и лукавыи нравъ мерзъскии, проклятыи»). И наконец, добавляется, так сказать, «репертуарный» грех – «немилость к бѣднымъ и нищим», которым и завершается перечень пороков, а вместе с ним и второй перенос.

4. От текста к... реальности

Из результатов анализа вытекают два порядка соображений: одни касаются собственно текста, другие – интерпретации методов и стратегии его создания и, по сравнению с первыми, представляются более сложными и требуют большей осторожности, затрагивая сферу оценки авторского восприятия Максима, а также намерений автора (и его заказчиков), а в более общем плане – вопрос об истории рецепции жизненного опыта Максима.

В текстуальном плане, как мы видим из приведенных данных, легко можно выявить существование прямой зависимости между «Сказанием известным» и «Повестью страшной и достопамятной» в двух ее составляющих – рассказе о Французском королевстве и рассказе

¹⁰ Там же. С. 242.

о Флоренции, что явно и определенно подтверждает впечатление, возникающее при первом беглом прочтении текстов (ср. § 2.2, 3.1–2).

Из этого первого вывода можно сразу же сделать и второй, который сам по себе и является обоснованием первого, а именно, что автор «Сказания известна» был знаком с творениями Максима и они были ему доступны. Этот вывод согласуется с данными о знакомстве автора с наследием Максима, непосредственно вытекающими из упоминания в «Сказании известном» собраний сочинений Максима и их местонахождения – явный признак того, что автор имел к ним доступ¹¹, а также – косвенно – из присутствия произведений Максима среди источников «Сказания известна», в список которых, однако, «Повесть страшна и достопамятна» до сих пор не была включена.

На уровне интерпретации, как уже было сказано, картина становится более сложной и неопределенной. Если исключить возможность того, что решение почерпнуть материал для изображения Максима из «Повести страшной и достопамятной», объединив в нем предложенное самим Максимом описание подвига Савонаролы и добродетелей картузианцев, могло быть случайным, а также исключить, что такой выбор сводится к чисто формальному приему или же вызван недостатком знаний и вдохновения, возникает вопрос о значении этой операции, требующий отдельного рассмотрения для каждого из двух установленных здесь переносов.

4.1. Реальность далекая и близкая

Начнем со второго переноса, причины и следствия которого легче установить. Автор «Сказания известна» изображает моральное падение, об исправлении которого так радел Максим в Московии, указывая, с одной стороны, те грехи, которые сам Максим признавал главными язвами Флоренции – содомия и ростовщичество-лихоимство, и с другой – те, которые, по его свидетельству, праведный образ жизни картузианцев позволил полностью искоренить.

Возможные интерпретации этого переноса многообразны и в то же время однозначны. Во-первых, можно сделать вывод о распространении в географически удаленных и типологически неоднородных обществах примерно в одну и ту же эпоху идентичных практик. Более того, тот факт, что содомия процветала и в Московии, легко выводится, например, из «Послания к великому князю Василию, в нем же о исправлении крестного знамения и о содомском блюде»¹², в котором вопрос о содомии доводится до сведения самого великого князя Василия III Ивановича. О распространении же ростовщичества-лихоимства можно судить по тому, как Максим ревностно защищал нестяжательство, о чем свидетельствуют его труды, прежде всего «Стязание о извѣстном иночьскомъ жительствѣ, лица же стязующихся Филоктимонъ да Актимонъ, сирѣчь Любостязательнии да Нестязательнии»¹³.

Нетрудно представить себе, что христиане в Московии, которых Максим хотел образумить, были хорошо знакомы и с другими пороками, о которых говорится в «Повести страшной и достопамятной»: с празднословием, сквернословием, бесчинным смехом, пьянством, чревоугодием, сребролюбием и порочностью. Подтверждение этому мы находим именно в рассказе о Французском королевстве, в прагматической и риторической организации заимствуемого пассажа.

¹¹ «Словес Максимовых есть больше ста в трех книгах: книга в десть на Москвѣ въ Андрониевѣ монастырѣ; а вторая в Сергиевѣ монастырѣ в полдесть, а в ней 74 главы; а третья на Каменом» [Синицына, 2009, с. 99–100].

¹² Текст издан: *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901. С. 49–56. Об авторстве сочинения, традиционно приписываемого старцу Филофею Псковскому, см.: [Гольдберг].

¹³ Текст издан: *Преподобный Максим Грек.* Сочинения / Отв. ред. Н. В. Синицына. М., 2014. Т. 2. С. 219–230. О структуре произведения, его целях, идее нестяжательства, защищаемой в нем, и о его источниках см.: [Гардзанини, 2021а; Гардзанини, 2021б].

В нем перечисление пороков, чуждых картузианцам, то в форме вопроса, отрицающего их существование «у них» и тем самым подтверждающего их существование «в другом месте, у нас» (в Московии), то в форме отрицательных утверждений, где то же намерение проявляется в выражении «у них», стоящем в рематической или предрематической позиции, что подразумевает наличие «в другом месте, у нас» тех пороков, о которых «у них» «ниже слышится» (даже не слышно), ибо об этих пороках «мрзко у них и проклято слышание», действительно, явно показывает, что Максим имел полное представление о ситуации в Московии и выражает свое осуждение. Таким образом, говоря о праведности картузианцев, Максим обличает порочное поведение своих слушателей, тем самым упрекая их и берясь способствовать их исправлению (ср. § 3.2).

В этом и заключается значение второго переноса: автор «Сказания известна» решает изобразить моральное разложение, к исправлению которого Максим прилагал усилия в Московии, приписывая местным христианам те же пороки, которые, по свидетельству Максима, картузианцам удалось искоренить. Таким образом, автор «Сказания известна» принимает и раскрывает критику в адрес духовенства на Руси, которая в рассказе о Французском королевстве скрывается за прославлением добродетельности картузианцев, то есть воспроизводит представление Максима о моральном упадке Московии.

4.2. Портреты-отражения

Более сложным представляется оценить значение первого переноса, то есть изображения деятельности Максима через его собственное описание деятельности Савонаролы, и то, до какой степени автор «Сказания известна» осознавал многообразие культурного значения этой текстовой операции.

Первый вывод, который можно сделать из этого переноса, как и из предыдущего, если уже установлено, что автор «Сказания известна» знал и имел в своем распоряжении труды Максима, касается метода составления произведения, который не является исключением из широко распространенной писательской практики славяно-византийского Средневековья, основанной на использовании и переработке уже существующих источников. Говоря о создании «Сказания известна», таким образом, можно реконструировать следующий «сценарий»: собирая данные о жизни Максима и пользуясь вполне обычным для контекста и эпохи механизмом, автор «Сказания известна» не ограничивается живыми свидетельствами тех, кто жил и работал рядом с Максимом, имел тот же опыт, или тех, кто просто наблюдал его жизнь со стороны, но ищет сведения и в письменных источниках, и в первую очередь, следует предположить, в сочинениях самого Максима, в большой степени автобиографичных¹⁴. Так, перелистывая рукописи, он находит слова, которые казались ему наиболее подходящими для описания миссии Максима, в деятельности Савонаролы, изображенной самим Максимом, и в «исправлении», с которым Максим обращался к русскому духовенству.

Таким образом, мы видим неожиданный результат: Максим, на которого, как известно, Савонарола оказал огромное влияние, побудив его к обращению, став его ориентиром и вдохновителем его взглядов и поступков¹⁵, становится его «преемником» в Московии, взяв за образец его жизнь и поведение настолько, что при ретроспективном взгляде, для тех, кто не имел никаких представлений о Савонароле (кроме того, что они узнали из свидетельств

¹⁴ Что не исключает некоторого переосмысления событий, как показывает недавнее исследование, в котором Л. И. Журова пересматривает сведения, касающиеся той роли, которую старец Артемий, по-видимому, сыграл в судьбе Максима (см.: [Журова]).

¹⁵ О влиянии Савонаролы на Максима и о его сочинениях см.: [Дунаев; Висковатый; Иванов, 1968; Иванов, 1974; Синицына, 1972; Ромоли, 2015; Ромоли, 2017; Garzaniti, 2019a].

самого Максима), было столь очевидным, что Максим следует по его стопам, что позволяло описывать деятельность Максима теми же словами, которыми сам Максим описывал деятельность Савонаролы.

В изображении обоих очерчивается миссия, основанная на изучении богодухновенного Писания – «разумом богодухновенных Писаний», направленная сперва на проповедь («учительным словом еже от божественных Писаний»), а в конечном итоге – на спасение души («пособити христианом») (ср. § 3.1): это и есть, по сути, миссия доминиканцев¹⁶. Эта миссия была реализована в жизни обоих, но в случае Максима не столько и не только «в подражание» Савонароле, а как деятельность, осознанно опирающаяся на те методы и практики, которые он воспринял во время своего послушничества. Опыт послушничества, хотя и незнакомый его современникам, на деле является красной нитью того сходства, которое в Московии можно было усмотреть между деятельностью Максима и того никому неизвестного монаха, которого Максим описывал как равного по своей добродетельности «древнимъ защитителемъ благочестию»¹⁷.

Это сходство не было исключительным восприятием автора «Сказания известна». Уже ранее оно проявилось в свидетельстве князя Андрея Курбского, который в «Истории о великом князе Московском», описывая встречу Максима с Иваном IV Грозным в Троице-Сергиевом монастыре перед паломничеством царя в Кирилло-Белозерский монастырь, признает за Максимом пророческий дар, приписывая ему предсказание – впоследствии исполнившееся – о смерти царевича Димитрия¹⁸. Это, очевидно, способствовало укреплению общего представления, из которого в дальнейшем развивается и образ Максима в «Сказании известном».

«Егда видѣвъ преподобныи Максим, иже презрѣл его совѣтъ и ко ѣханию безгодному устремился царь, исполнився духа пророческаго, начал прорицати ему: Аще, рече, не послушаеши мене, по Бозѣ совѣтующаго, и забудеши крови оных мучеников, избиенных от поганов за правовѣрие, и презриши слезы сиротъ оных и вдовицъ, и поѣдеши со упрямством, вѣдай о сем, иже сынъ твои умрет и не возвратится оттуды жив. Аще же послушаеши, и возвратишися, здрав будеши яко сам, так и сынъ твои... И не доѣзжаючи монастыря Кирилова, еще Шексною-рѣкою плывучи, сынъ ему, по пророчеству святаго, умре»¹⁹.

5. Заключение

Воплощая идеалы Савонаролы, Максим следует той жизненной модели, которая, закрепленная в сочинениях, прославляющих его память и утверждающих его местное почитание, формировала парадигму святости и в центре которой – знание Писания и спасительная проповедь. В силу этого, несмотря на реальные события его жизни и подозрения, бросавшие тень на его фигуру, потомкам и (официальной) историографии был передан положительный образ праведника, глубоко, искренне и щедро отдававшего себя исправлению общества, следуя Евангельским заповедям. Не ограничиваясь функцией простого литературного источника, «Повесть страшна и достопамятна» служила, таким образом, средством создания жизненной модели, формируя в «Сказании известном» ту парадигму святости, носителем которой в Московии стал Максим.

Анализ отдельных отрывков «Сказания известна» с точки зрения его источников, предложенный в данном исследовании и позволивший выявить происхождение модели жизни

¹⁶ См.: [D'Amato; Lippini]. Устав и правила доминиканцев см.: [Thomas; Humbertus].

¹⁷ Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Ч. 2. С. 254.

¹⁸ Об атрибуции сочинения см.: [Калугин; Воеск]; об эпизоде о смерти царевича Димитрия и его литературной обработке см.: [Gonpeau].

¹⁹ Курбский Андрей. «История о великом князе Московском» / Подгот. текста и коммент. А. А. Цехановича, пер. А. А. Алексеева // БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. С. 352–354, 360.

и святости, которую олицетворяет Максим в этом сочинении, представляет собой начальный этап более систематического изучения постепенно собираемых биографических сведений о нем, а через эти сведения – долгого процесса его реабилитации, начавшегося в конце XVI в. и завершившегося четыре века спустя провозглашением его святости в год тысячелетия крещения Руси.

Литература

- Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. XVI, 336, DXXVIII с.
- Буланин Д. М., Шашков А. Т. Сказания о Максиме Греке // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 396–398.
- Висковатый К. К. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 1939–1940. № 17. С. 128–133.
- Гардзанини М. «Стязание о извѣстном иночьскомъ жительствѣ» Максима Грека. Структура произведения и его цель // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1 (83). С. 161–170. DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.012 [Гардзанини, 2021a]
- Гардзанини М. «Стязание о извѣстном иночьскомъ жительствѣ» Максима Грека. Понятие нестяжательства и его источники // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 2 (84). С. 142–155. DOI 10.25986/IRI.2021.84.2.012 [Гардзанини, 2021b]
- Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея» (Опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 68–97.
- Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2. Ч. 2. [2], XII, 690 с.
- Дунаев Б. Н. Сочинения Савонаролы и Максима Грека // Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. 1907. Т. 4. Вып. 1. С. 56–58.
- Журова Л. И. Максим Грек и старец Артемий (к вопросу о групповой идентичности) // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 27 (3). С. 11–18.
- Иванов А. И. Максим Грек и Савонарола // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 217–227.
- Иванов А. И. Максим Грек и Савонарола // Богословские труды. 1974. № 12. С. 184–208.
- Интерлинейная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека / Исслед. и подгот. текста И. В. Вернер. М., 2019. 928 с.
- Каган М. Д. Исайа Каменчанин // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 444–448.
- Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный: теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. 415 с.
- Клосс Б. М. О дате смерти Максима Грека // Россия и христианский Восток / *La Russie et l’Orient chrétien*. М., 2015. Вып. 4–5. С. 136–139.
- Панченко О. В. Из археографических разысканий в области соловецкой книжности II. «Канон всем святым, иже в Велицей России в посте просиявшим» – сочинение Сергия Шелонина // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 453–480.
- Ромоли Ф. «Trattato contra li astrologi» Джироламо Савонаролы и «Слово противу тщащихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком» Максима Грека: Опыт сопоставительного анализа // *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge*. 2015. Vol. 3. P. 1–17.
- Ромоли Ф. «Антимагометанские» статьи в «Triumphus sticis» Джироламо Савонаролы и Первом собрании сочинений Максима Грека. Некоторые текстуальные совпадения // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 84–100.
- Синицына Н. В. Максим Грек и Савонарола (о первом рукописном собрании сочинений Максима Грека) // Феодальная Россия во всемирном историческом процессе. Сборник статей, посвященный Л. В. Черепнину. М., 1972. С. 149–156.
- Синицына Н. В. Исайа Каменец-Подольский и Максим Грек (из истории культуры второй половины XVI в.) // Литература и искусство в системе культуры. Л., 1988. С. 195–208.
- Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1362 (1162)). 232, [4] с., [8] л. ил., портр., факс.

- Синицына Н. В. Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI–XVII вв.). М., 2009. 109, [5] с., [11] л. факс., цв. ил.
- Boeck B. Eyewitness or False Witness? Two Lives of Metropolitan Filipp of Moscow // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. № 55. S. 161–177.
- D'Amato A. L'ordine dei frati predicatori. Roma, 1983. 235 p.
- Denissoff É. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Louvain; Paris, 1943. 460 p.
- Denissoff É. Une biographie de Maxime le Grec par le métropolite Isaïe Kopinski // *Orientalia Christiana Periodica*. 1956. Vol. 22. P. 138–171.
- Garzaniti M. Michele Trivolis / Massimo il Greco (1470 circa – 1555/1556). Una moderna adesione al vangelo nella tradizione ortodossa // *Cristianesimo nella storia*. 2015. Vol. 36. № 2. P. 341–366.
- Garzaniti M. Il Discorso sulle instabilità e i disordini (Slovo o nestroenijach i bezčinijach). Alle fonti del lamento della Vasilija / Scrittura e Scritture per Massimo il Greco. A cinquecento anni dall'arrivo in Moscovia // *Studi Slavistici*. 2019. Vol. 16. № 2. P. 157–175. [Garzaniti, 2019a]
- Garzaniti M. Michele Trivolis *alias* Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // *I Domenicani e la Russia*. Roma, 2019. (Dissertationes Historicae. 37). P. 41–74. [Garzaniti, 2019b]
- Gonneau P. Massimo il Greco e la morte del primo zarevič Dmitrij (1553): episodio storico o aneddoto edificante? // *Mediazioni letterarie: itinerari, figure e pratiche*. Pisa, 2019. Vol. 1. P. 99–124.
- Humbertus de Romani. Opera de vita regulari / Ed. J. J. Berthier. Roma, 1888–1889. Vol. 1. 613 p.; Vol. 2. 577 p.
- Lippini P. La vita quotidiana di un convento medievale. Gli ambienti, le regole, l'orario e le mansioni dei Frati Domenicani del tredicesimo secolo. Bologna, 2008. (Domenicani. 5). 423 p.
- Romoli F. La forma di vita domenicana nella testimonianza di Massimo il Greco e le sue fonti // *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata*. Terza Serie. 2018. Vol. 15. P. 203–244.
- Romoli F. Massimo il Greco e gli ordini religiosi dell'Occidente. Esperienza ed evidenza documentaria nella testimonianza alla Moscovia cinquecentesca. Firenze, 2021. (Europe in between. Histories, Cultures and Languages from Central Europe to the Eurasian Steppes. 3). 246 p.
- Speranzi D. Massimo il Greco a San Marco. Un nuovo manoscritto // *Mosty mostite*. Studi in onore di Marcello Garzaniti. Firenze, 2016. P. 191–204.
- Thomas A. H. De oudste constituties van de Dominicanen. Voorgeschiedenis, tekst, bronnen, ontstaan en ontwikkeling (1215–1237). Leuven, 1965. (Bibliothèque de la Revue d'histoire ecclésiastique. 42). 419 p.

References

- Belokurov, S. A. O biblioteke moskovskikh gosudarei v XVI stoletii [About the Library of the Moscow Sovereigns in the 16th Century]. Moscow, 1898. XVI, 336, DXXVIII p.
- Boeck, B. Eyewitness or False Witness? Two Lives of Metropolitan Filipp of Moscow. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. № 55. S. 161–177.
- Bulanin, D. M., Shashkov, A. T. Skazaniya o Maksime Greke [Tales of Maximus the Greek]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1989. Issue 2. Part 2. Pp. 396–398.
- D'Amato, A. L'ordine dei frati predicatori. Roma, 1983. 235 p.
- Denissoff, É. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Louvain; Paris, 1943. 460 p.
- Denissoff, É. Une biographie de Maxime le Grec par le métropolite Isaïe Kopinski. In *Orientalia Christiana Periodica*. 1956. Vol. 22. Pp. 138–171.
- Dunaev, B. N. Sochineniya Savonaroly i Maksima Greka [The Works by Savonarola and Maximus the Greek]. In *Drevnosti. Trudy Slavyanskoi komissii Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1907. Vol. 4. Issue 1. Pp. 56–58.
- Garzaniti, M. Michele Trivolis / Massimo il Greco (1470 circa – 1555/1556). Una moderna adesione al vangelo nella tradizione ortodossa. In *Cristianesimo nella storia*. 2015. Vol. 36. № 2. Pp. 341–366.
- Garzaniti, M. Il Discorso sulle instabilità e i disordini (Slovo o nestroenijach i bezčinijach). Alle fonti del lamento della Vasilija / Scrittura e Scritture per Massimo il Greco. A cinquecento anni dall'arrivo in Moscovia. In *Studi Slavistici*. 2019. Vol. 16. № 2. Pp. 157–175. [Garzaniti, 2019a]

- Garzaniti, M. Michele Trivolis *alias* Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze). In *IDomenicani e la Russia*. Roma, 2019. (Dissertationes Historicae. 37). Pp. 41–74. [Garzaniti, 2019b]
- Garzaniti, M. “Styazanie o izvestnom inoch’skom” zhitel’stve” Maksima Greka. Struktura proizvedeniya i ego tsel’ [The *Controversy about the Monastic Way of Life as We Know It* by Maximus the Greek. The Structure of the Work and Its Purpose]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 1 (83). Pp. 161–170. DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.012 [Gardzaniti, 2021a]
- Garzaniti, M. “Styazanie o izvestnom inoch’skom” zhitel’stve” Maksima Greka. Ponyatie nestyazhatel’stva i ego istochniki [The *Controversy about the Monastic Way of Life as We Know It* by Maximus the Greek. The Concept of Poverty and Its Sources]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 2 (84). Pp. 142–155. DOI 10.25986/IRI.2021.84.2.012 [Gardzaniti, 2021b]
- Gol’dberg A. L. Tri “poslaniya Filofeya” (Opyt tekstologicheskogo analiza) [Three “Epistles of Philotheus” (Experience of Textual Analysis)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1974. Vol. 29. Pp. 68–97.
- Gonneau, P. Massimo il Greco e la morte del primo zarevič Dmitrij (1553): episodio storico o aneddoto edificante? In *Mediazioni letterarie: itinerari, figure e pratiche*. Pisa, 2019. Vol. 1. Pp. 99–124.
- Gorskii, A. V., Nevostruev, K. I. Opisanie slavyanskikh rukopisei Moskovskoi Sinodal’noi biblioteki [Description of Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal Library]. Moscow, 1859. Chapter 2. Part 2. [2], XII, 690 p.
- Humbertus de Romani. Opera de vita regulari / Ed. J. J. Berthier. Roma, 1888–1889. Vol. 1. 613 p.; Vol. 2. 577 p.
- Interlinearnaya slavyano-grecheskaya Psaltyr’ 1552 g. v perevode Maksima Greka [The Interlinear Slavonic-Greek Psalter of 1552 Translated by Maximus the Greek]. Study and preparation of text by I. V. Verner. Moscow, 2019. 928 p.
- Ivanov, A. I. Maksim Grek i Savonarola [Maximus the Greek and Savonarola]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1968. Vol. 23. Pp. 217–227. No.
- Ivanov, A. I. Maksim Grek i Savonarola [Maximus the Greek and Savonarola]. In *Bogoslovskie trudy*. 1974. No. 12. Pp. 184–208.
- Kagan, M. D. Isaia Kamenchanin [Isaiah Kamenchanin]. In *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1988. Issue 2. Part 1. Pp. 444–448.
- Kalugin, V. V. Andrei Kurbskii i Ivan Grozny: teoreticheskie vzglyady i literaturnaya tekhnika drevnerusskogo pisatelya [Andrey Kurbsky and Ivan the Terrible: Theoretical Views and Literary Technique of the Old Russian Writer]. Moscow, 1998. 415 p.
- Kloss, B. M. O date smerti Maksima Greka [About the Date of Death of Maximus the Greek]. In *Rossiya i khristianskii Vostok / La Russie et l’Orient chrétien*. Moscow, 2015. Issue 4–5. Pp. 136–139.
- Lippini, P. La vita quotidiana di un convento medievale. Gli ambienti, le regole, l’orario e le mansioni dei Frati Domenicani del tredicesimo secolo. Bologna, 2008. (Domenicani. 5). 423 p.
- Panchenko, O. V. Iz arkhograficheskikh razyskaniy v oblasti solovetskoi knizhnosti II. “Kanon vsem svyatym, izhe v Velitsei Rosii v poste prosiyavshim” – sochinenie Sergiya Shelonina [From Archaeographic Research in the Field of Solovetsky Bookishness II. “The Canon to All the Saints, Who Shone in the Great Rus in the Fast” – the Work by Sergius Shelonin]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2004. Vol. 56. Pp. 453–480.
- Romoli, F. “Trattato contra li astrologi” Dzhirolamo Savonaroly i “Slovo protivu tshchashchikhhsya zvezdozreniem predritsati o budushchikh i o samovlastii chelovekom” Maksima Greka: Opyt sopostavitel’nogo analiza [“Trattato contra li Astrologi” by Girolamo Savonarola and “The Sermon against Those Who Seek to Predict the Future with Zvezdozrenie (Astrology) and the Autocracy of Men” by Maximus the Greek: The Experience of Comparative Analysis]. In *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge*. 2015. Vol. 3. Pp. 1–17.
- Romoli, F. “Antimagometanskii” stat’i v “Triumphus crucis” Dzhirolamo Savonaroly i Pervom sobranii sochinenii Maksima Greka. Nekotorye tekstual’nye sovpadeniya [“Anti-Mohammedan” Articles in the “Triumphus Crucis” by Girolamo Savonarola and the First Collected Works of Maximus the Greek. Some Textual Coincidences]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2017. Vol. 65. Pp. 84–100.
- Romoli, F. La forma di vita domenicana nella testimonianza di Massimo il Greco e le sue fonti. In *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata. Terza Serie*. 2018. Vol. 15. Pp. 203–244.

Romoli, F. Massimo il Greco e gli ordini religiosi dell'Occidente. Esperienza ed evidenza documentaria nella testimonianza alla Moscovia cinquecentesca. Firenze, 2021. (Europe in between. Histories, Cultures and Languages from Central Europe to the Eurasian Steppes. 3). 246 p.

Sinitsyna, N. V. Maksim Grek i Savonarola (o pervom rukopisnom sobranii sochinenii Maksima Greka) [Maximus the Greek and Savonarola (About the First Handwritten Collection of Maximus the Greek's Works)]. In *Feodal'naya Rossiya vo vsemirnom istoricheskom protsesse. Sbornik statei, posvyashchennyi L. V. Cherepninu*. Moscow, 1972. Pp. 149–156.

Sinitsyna, N. V. Isaia Kamenets-Podol'skii i Maksim Grek (iz istorii kul'tury vtoroi poloviny XVI v.) [Isaiah from Kamenets-Podolsky and Maximus the Greek (From the Cultural History of the Second Half of the 16th Century)]. In *Literatura i iskusstvo v sisteme kul'tury*. Leningrad, 1988. Pp. 195–208.

Sinitsyna, N. V. Maksim Grek [Maximus the Greek]. Moscow, 2008. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei [The Lives of Outstanding People]. Issue 1362 (1162)). 232, [4] p., [8] l. of il., portr., facs.

Sinitsyna, N. V. Skazaniya o prepodobnom Maksime Greke (XVI–XVII vv.) [Tales about Saint Maximus the Greek (16th – 17th Centuries)]. Moscow, 2009. 109, [5] p., [11] l. of facs., col. il.

Speranzi, D. Massimo il Greco a San Marco. Un nuovo manoscritto. In *Mosty mostite. Studi in onore di Marcello Garzaniti*. Firenze, 2016. Pp. 191–204.

Thomas, A. H. De oudste constituties van de Dominicanen. Voorgeschiedenis, tekst, bronnen, ontstaan en ontwikkeling (1215–1237). Leuven, 1965. (Bibliothèque de la Revue d'histoire ecclésiastique. 42). 419 p.

Viskovatyi, K. K. K voprosu o literaturnom vliyanii Savonaroly na Maksima Greka [On the Question of the Literary Influence of Savonarola on Maximus the Greek]. In *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 1939–1940. No. 17. Pp. 128–133.

Zhurova, L. I. Maksim Grek i starets Artemii (k voprosu o gruppovoi identichnosti) [Maximus the Greek and the Elder Artemy (On the Question of Group Identity)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2020. No. 27 (3). Pp. 11–18.

Francesca Romoli
University of Pisa, Pisa, Italy

EMBODIMENT OF SANCTITY:
MAXIMUS THE GREEK AND GIROLAMO SAVONAROLA

The earliest recollection of Maximus the Greek in liturgical literature occurs in the *Authentic narrative about the arrival in Rus of Maximus the Greek and how he suffered until his death* (*Skazanie izvēstno o prichode na Rus Maksima Grēka i kako preterpě do skončaniya svoego*) written by Monk Isajja Kamenčanin at the end of the sixteenth century. Textual analysis allows us to complement the list of its sources with Maximus the Greek's *Terrible and memorable narrative and the perfect form of monastic life* (*Povest' strašna i dostopamjatna i o soveršenom inočeskom žitel'stve*), which contains the first Slavic biography of Girolamo Savonarola. In particular, the investigation shows that the portrait of Maximus Monk Isajja offers coincides with the one that Maximus had offered for Savonarola. The reason for this transposition is found in the fact that in Moscovia Maximus had so closely emulated Savonarola as to become the bearer of the same ideal of sanctity as the one embodied by the Italian friar.

Keywords: Maximus the Greek, Girolamo Savonarola, Isajja Kamenčanin, Authentic Narrative, Terrible and Memorable Narrative

